

Книжное обозрение
ДЕРЕВЕНЬКА

«За коммунистический труд».

«Федор проснулся, когда солнце соскользнуло с опечка и косою дорожкой легло на половики. На ходиках половина шестого. Солнце точней: когда соскользнет с опечка - пять часов. Когда ляжет поперек половиц - шесть. Минуты Федору ни к чему, и ходики он не выбросил ради их неустанного тиканья».

Так начинает свою небольшую повесть «Деревенька», опубликованную в первом номере журнала «Север» за 1982 год, коряжемский педагог Борис Александрович Рябов. Федор - главный герой повествования. Это человек, горячо любящий родной край, землю, на которой вырос и которой отдал свою жизнь. Потому он с горечью говорит сыну Настасьи - Ивану:

- Оперившиеся птенцы к старому гнезду не прилетают. А люди... Ладно, не судья я тебе.

Да и как Федору быть судьей, если и его сын подался в город. Не удержался в родной деревеньке, не привязался к родной земле, не стал продолжателем его дела. Да и он ли один?. Ведь не случайно опустела деревня. Два жителя в ней остались - Федор да Настасья. Но пришло то утро, когда над трубой с опрокинутым ведром не появилось дыма. Встревожился: не случилось ли чего с Настасьей?

Потом были похороны и разговор с Иваном.

- В деревню когда снова?

- Не знаю. Не к кому приезжать.

Не договорив, достал из кармана ключи, протянул Федору:

- Пусть полежат у тебя, может, нужда заставит кого-нибудь приехать в деревню, а ключ один на всех.

Знание деревенской жизни, крестьянского уклада, всего того, чем жив человек в деревне, помогает Борису Рябову нарисовать портрет Федора, показать быт села, небольшими мазками высветить заботы председателя колхоза Николая Васильевича. С первой встречи с ним понимаешь, что этот руководитель смело смотрит в будущее. Он не постесняется прийти за советом к старшим. Не дает спуска рвачу и хапуге.

Автор повести подводит нас к этому выводу таким разговором Федора и председателя.

- Неужели косить пора?

- Рано. Молодая трава.

- Зачем же сенокосишь?

- Во дворе да на улице - не сенокос.

- Когда трава поспеет? - спросил Николай Васильевич.

- Опадет лютик в ложготинах, тогда и пора сенокосу.

Немного героев в повести Бориса Рябова «Деревенька», как немного осталось в ней жителей. Но не в этом главное. Главное, что вместе с Федором мы переживаем трудные минуты ломки старого уклада жизни: куда ехать - на центральную усадьбу или в город к сыну? И как ни странно, лучшую характеристику ему, Федору, дает не председатель колхоза, не мужик из соседней деревни Капитон, не сын Алексей, а Митька

Глухарев, который мог и пожни прихватить, где травостой погуще, и дрова подвезти «задарма почти, только поставь на стол светленькую да дай на опохмелку».

Не случайно автор дал Митьке фамилию точную - Глухарев. Он глух к обновлению колхоза, которое несет председатель Николай Васильевич, он глух к слезам ребят, когда бревнами выворачивает молодые посадки кедра, он глух в разговоре с Федором. Вспомним такой эпизод: «Но Подболотье Митька не забывал, каждый год косил усадьбы у опустевших домов... Увидев Федора, травой отер лезвие от прилипших окосков, положил косу на неровный валок.

- Что «труд на пользу» не говоришь? - спросил он.

- Не знаю, на чью.

- На мою, конечно».

И в этом вся характеристика Митьки Глухарева. А вот как он говорит о Федоре.

- Умрешь, напишу на кресте: «Ширяев Федор Михайлович. Родился тогда-то... Умер... Жизнь прожил честно». Боюсь только, люди ухочуются над могилой!

Жизнь прожил честно! - в этих словах весь смысл жизни его, Федора Ширяева, который даже готовясь к отъезду, не может пройти мимо подогнившего колышка в огороде, который, несмотря на недомогание, воюет с лопухом и крапивой, который знает, что за иконкой на гвоздике на обрывке супони хранятся шесть ключей с налетом ржавчины. Седьмым здесь стал ключ от дома Настасьи. Последний ключ в деревне от его дома.

Эта связка ключей и есть главная завязка повествования. И вся повесть построена так, что невольно ждешь от автора ответа, а кто же примет ключи от «Деревеньки», кто примет из рук Федора ключи от этой земли, кто возьмет в свои руки ключи от нелегкого хлеборобского труда. Да и есть руки? Но чем дальше идет нить рассказа, тем четче вычерчивает Борис Рябов характер председателя колхоза Николая Васильевича.

«И вдруг Федор увидел председателя по-новому: не добросовестного тракториста, не чудачка, собирающего рухлядь для колхозного музея, а человека, который видит будущее колхоза и делает его цепко и уверенно. И не беда, если иногда спотыкается на колдобинах: в пути и в работе не без этого».

Когда вышли из сарая, Федор протянул председателю связку ключей.

- Возьми, Николай Васильевич. От деревни они.

Жаль, конечно, что ключи эти пришлось передать не сыну Алексею, который прямо отрезал: «Не всем землю пахать». Жаль, что и новое поколение Ширяевых вырастет вдали от терпкого запаха родной земли, хотя для него колхоз построил новую школу, что дворец. А в классах пусто. Больно видеть все это Федору. Не от того ли все «чаще и обстоятельней рассказывал о том новом, что было в колхозе: о комплексе, о домах, что строят для колхозных специалистов, о школе даже». И рад за председателя: «старался мужик для колхоза».

Повесть коряжемца Б.А.Рябова не утонула в густой палитре деревенского быта. Она решает большую и важную социальную проблему: как и

чем удержать человека на этой земле, чтобы ключи от отцовского дома не попадали в чужие руки. Видится сыновий долг перед землей. Наверно, именно поэтому повесть эту посвятил автор своей матери - Анне Федосеевне. Это обращение к людям села: будьте бережны к земле, к людям. Это обращение к молодежи, чтобы каждая деревенька была для нее любовью и болью сердца, той самой занозой, которая не дает покоя Федору. Чтобы не пришлось юным повторять слова Алексея: «Не смогу я: поздно начинать заново».

Многослойно построена эта повесть. Она, как тот деревенский травостой, что опробовал Федор. В ней нет острозахватывающего сюжета. Спираль повествования раскручивается неторопливо и убедительно. Немало в «Деревеньке» находок и удач. И хорошим продолжением их будет книга Бориса Александровича Рябова «Ранние заморозки», которая выйдет в этом году в Северо-Западном издательстве. В ней - две повести - о жизни воспитанников детского дома и о трудной человеческой судьбе. И эти новые работы молодого литератора находятся в одной связке с его первой повестью «Деревенька».

*Николай Шкаредный.
1982 г.*

ЗВОН ТОГО КОЛОКОЛЬЧИКА

«Трудовая Коряжма»

С Митькой Глухаревым мы встречаемся еще в повести «Деревенька». И надо ли давать ему характеристику, если сам он нагло и уверенно говорит:

- А меня голыми руками не возьмешь! Пытались уже взять. И не раз. Да никому не удалось. Обкатанный камень. Тяже - е - лый!

И вот новая повесть коряжемского писателя Бориса Рябова «Счастливая жатва» - «Север» № 11, 1985 год. И снова в центре ее Митька Глухарев и председатель колхоза Николай Васильевич. Собственно на столкновении этих двух главных героев и высвечивает автор конфликтную ситуацию. Хотя говорить так, значит отгеснить на второй план Павла и Клавдию, Лешку и Алю, Алевтину Ивановну и Степаниду. Повесть построена так, что нет в ней лишних героев, зато немало порой незамысловатых, но таких чисто человеческих ситуаций, когда человек должен сказать сам себе: чего же я стою?

Через всю повесть пронесит Митька Глухарёв этот вопрос. Пронесит самоуверенно, нагло, вызывающе-спокойно. Нелегко председателю колхоза Николаю Васильевичу, человеку, выросшему на этой земле, пришедшему к руководству колхозом от рычагов трактора, ломать сложившиеся традиции и привычки.

- Тяжело быть председателем? - спросил Алексей.

Николай Васильевич долго смотрел на него, проверяя, праздный ли вопрос.

- Да. Но нельзя бросить начатое. А дел много. Есть такие, до которых руки не дошли. Вот деревенька ваша. Она - заноза в сердце.

Этот диалог из повести «Деревенька» может служить своеобразным эпиграфом к новой работе Бориса Рябова. Только в повести «Счастливая жатва» у него появляется ещё одна заноза. «Ни одного дня, чтобы Митьку не вспомнили!» - удивился Николай Васильевич. Митька, действительно, его заноза, его боль. И он не уходит от неё, хотя порой казалось: к чему ему всё это? Но вставали перед ним глаза и руки Клавдии. «В деревне нет секретов, и Клавдия знала, что он не уступает Митьке. Будто мощное течение подхватило их, Глухарёвых, тащит неведомо куда. А против течения долго не устоять: рано или поздно иссякнут силы».

Конфликт новой повести родился ещё в «Деревеньке». Вспомним, как «Из леса на поскотину, огороженную неоконченной ниточкой штакетника, выехал трактор. На тресе полдесятка хлыстов. Митька Глухарев вез дрова.

- Стой! Где едешь?! Ты же по кедром едешь!

Прибежала девочка, сломанным саженцем ударила Митьку.

- Ты где ехал? Ты по кедром ехал!

Николай Васильевич, положив руку на плечо девочки, сказал:

- Сейчас я его похлеще ударю!

- Ударь! - обрадовался Митька пустой угрозой.

- Ну, бей, чего столбом стоять!

- Я снимаю тебя с трактора. За езду в нетрезвом виде, за левачество в рабочее время.

Митька опустил локоть, расхохотался:

- Вот так ударил! Только кого? Себя!»

Какая уж тут счастливая жатва? Ведь прав был Митька Глухарев, что в первую очередь председатель ударил себя. Наступало время уборки хлеба. Три комбайна. Три комбайнера в колхозе. Третий - Митька Глухарев.

- Я - механизатор. И хватит надо мной издеваться. Давай трактор! - Митька понял, что унижается: просит. И резко перевел разговор. - Может, ты и хлеб без меня убирать собираешься? Не вернешь трактор - жать не буду!

Глухарев сдержал свое слово. И ох как непросто было идти рабочим будням председателю колхоза к счастливой жатве, когда решил вывести на Данилину поляну весь колхоз, чтобы сделать дожинки праздником урожая. Порой он казнил себя за неуступчивость, иногда брали сомнения: прав ли? Но он, как и Митька, держал слово. «Чего не весел-то? А - а, жатва на носу. Слякотное твое дело, председатель!» И в трубке гудки.

- Глухарев звонил, - сказал Николай Васильевич».

Дело, действительно, слякотное. И автор помогает нам полнее понять, что же все-таки за человек председатель колхоза, чего он хочет, какой правоты добивается? И какой ценой идет к этой высокой правоте, к своей счастливой жатве. И будет ли она для него, Николая Васильевича Абабкова, счастливой?

«Круг за кругом ходил комбайн по полю. Красивое и щедрое, оно радовало мягкой пахотой и тяжелым колосом. С чего же название такое - Феклушинская оборка? Будто в насмешку кто-то придумал, а зачем - спросить не у кого: Фекла давно забыта. В овале озера - Николин

клин; тоже кто-то подшутил над неведомым Николаем: весной, когда вспашешь, поле на румяный, только что из печи каравай похоже. Есть еще Ефимова новочисть...». Вспомнив поле, Николай Васильевич горько усмехнулся: «Новочисть... Многие, кто постарше, помнят, как Ефим в одиночку тягался с тайгой, расчищая небогатую землю».

Счастливая жатва. Для него она в конце концов сложилась таковой: счастливой. Потому что шел к ней Николай Васильевич не окольными путями, шел через понимание своего долга перед этим полем, перед этим хлебом. И сам он, как тугой колос, возвращенный на этой земле.

«Павел поднялся с копны, тоже помял несколько колосьев.

- Когда жнешь, о многом думается. Сегодня вот о колокольчике вспомнил. Возили мы, мальчишками, навоз на поля. Погода - слякоть весенняя. Лошади - одни мослы, еле сани ташат. Да и кому хочется каникулы проводить у навоза? Без охоты работали. Собрал нас Федот Михайлович, тогдашний председатель, сказал мне: «Ты лучше всех поработал. Получай награду!» И привязал к дуге колокольчик валдайский. Только один день и проездил я с ним: другие обогнали. Но, поверишь ли, до сих пор звон этого колокольчика слышу».

Повесть «Счастливая жатва» построена так, что автор как бы все дальше и дальше уводит Митьку от колхоза, от родного дома. С чего все началось? Об этом размышляет Клавдия в кабине грузовика, возившего картошку в райцентр. «Клавдия догадалась, что шофер взял деньги и топил в словах остатки своей совести. Вот так

же когда-то Митька». «Засупонить хотите? Хомут не для меня?» В чем же этот «хомут»? Нужна ответственность за колхоз. А у него...» Все больно ранит сердце Клавдии - женщины работающей и мужественной, сердце матери. А все он, ее Митька.

Вот так не спешно раскрывает Борис Рябов характеры своих героев, вводит нас в круг их забот и дел. Одна картина сменяет другую: дом, поле, ферма. Но главное для писателя люди - его герои. Они добры и суровы, они идут через радости и боли. Но все они становятся нам близкими. «С бедой ли, радостью идет?» При беде шаги сбивчивые, а эти - Аля будто стёжку ведёт. Ворвалась в избу, повисла на шее матери. «Мамочка, я сейчас самая счастливая!» «Радоваться всему можно, - не удержавшись, сказала Клавдия».

Радоваться всякому можно. И радуемся, что пришла на эту землю счастливая жатва. «Данилина полянка - маленькое, как обсевок, поле, неровное, небогатое. Механизаторы не любили его: пахать - одни развороты, жать - не каждый год наскребёшь здесь полный бункер. Сегодня же собралась чуть ли не вся деревня. Митька невольно оглянулся на улицу: ни мужика, ни старухи на завалинках. Сплюнул и, сунув руки в карманы, пошёл к людям». Вот и сбылась председательская мечта: «Вывести на Данилину поляну весь колхоз, и если хоть один услышит свой колокольчик, то уже никогда не бросит поле необранным!» Глухарёв, верится, услышал его.

«Экскаватор медленно двигался по поскотине, оставляя глубокую траншею в окантовке свежевскопанной земли. «На борозду похожа!» - отметил Митька. И сжал челюсти: на отвале ни блеска

лемехов, ни чаек, ни такого запаха поля, который ветерок заносит в кабину. Спустил ковш, посмотрел вдоль улицы. И будто впервые увидел её».

Николай Шкаредный.

1986 год.

СЧАСТЛИВАЯ ЖАТВА

**«Коряжемский
муниципальный вестник»**

В нашей многогранной и быстротекущей жизни судьба одного человека, что песчинка в поле, вроде бы незначительна и не приметна. Но, не будь этих самых песчинок, и не состоялось бы поля. Не было бы поля, что нас кормит хлебом насущным, не было бы и урожая. Не было бы урожая, не было бы жатвы. Той самой счастливой жатвы, о которой так много, трогательно и правдиво пишет наш коряжемский писатель с всесоюзным именем Борис Александрович Рябов.

Судьба одного человека - не предмет рассмотрения, если рассуждать по принципу: один в поле не воин. А он один, один за рабочим столом и, оказывается, воин. Воин не только на литературном фронте, но и в жизни, когда приходится бороться не только с равнодушием людей, но и с болезнью. Но судьба писателя высвечивается другими контурами - героями его новелл, повестей и рассказов. Он, писатель, живет их жизнью, живет среди них, он переживает вместе с ними взлеты и падения, вместе с ними радуется и печалится. С того дня, как вошел Борис Рябов в литературу, он не может быть одиноким. Писате-

лю этого не дано! И он счастлив, что его окружающий мир, как добротный деревенский дом, наполняют люди.

Борис Александрович, как и его герои, бывает улыбчивым и грустным, вспылчивым и спокойным, но он никогда не бывает равнодушным, ибо равнодушным не дано быть талантливым. Талантливым во всем: в семье (у него двое детей и внучка Катя); в школе, где он после окончания историко-филологического факультета Архангельского педагогического института преподавал историю, географию и литературу, а перед переходом на «писательские хлеба» четыре года работал директором средней школы №4 в Коряжме; в литературе, которую выбрал на всю последующую жизнь.

Наверно, он и сам не помышлял, что когда-нибудь основательно сядет за писательский стол. В институте редактировал так, больше для интереса, а может быть, просто ради любопытства: получится ли? - студенческий журнал «Молодость». Получилось! Значит, что-то могу, что-то умею! Стал сам осваивать пробу пера. Там и задумал свою первую повесть. Даже вчерне написал ее. Но ни себе, ни другим не признавался, что сделал первый шаг. Писал и переписывал долгими ночами, вспоминая родную деревню Наволок, что прижалась одним плечом к хаминовскому крутику, другое развернула в сторону поля да леса, а лицом повернулась к тогда еще полноводной, сплавной, своенравной реке Виледи.

Он никогда не придумывает своих героев. Он пишет их портреты, как говорят, с натуры. Колхозников - с людей вилегодских, близких и родных ему по духу, сплавщиков - на примере запа-

ни Шипицыно, где довелось преподавать после института, да запани Усть-Вилель, что раскинулась в устье реки его детства - Виледи, героев-лесозаготовителей он открыл в Удиме, где работал в школе и где встретил свою надежду и любовь - Тамару Васильевну. Там в декабре 1967 года сыграли свадьбу. С тех пор живут Рябовы душа в душу. Сына и дочку вырастили, выучили, на ноги поставили. Александр - ведущий инженер-программист АСУП на Котласском ЦБК, а Аня - инженер-конструктор на одном из заводов города Кирова. Как говорит Борис Александрович, оба технари. А Тамара Васильевна дополняет:

- Мы оба педагоги. Оба в школу пришли по призванию. Иначе бы я не отработала 39 лет с детьми. Да и Борис, практически, не ушел из школы. В его повестях и рассказах дети часто выступают в роли главных героев. Возьмите хотя бы его рассказы, вошедшие в книгу «Подлесок», или повесть «Ранние заморозки».

Вот как представляет эту повесть в первом номере литературно-художественного журнала «Север» за 1984 год известный архангельский литературовед Шамиль Галимов: «Молодой писатель Борис Рябов, например, в своей недавней повести «Ранние заморозки» смело обращается к исследованию самих истоков сиротства в современных условиях, к выявлению причин, деформирующих детство, порождающих семейные драмы, ломающих нормальные человеческие отношения. Сам автор причины этих явлений обнажает глубже. Он связывает их с общим недостатком духовности в жизни отдельных семей, с низкими обывательскими интересами. А это создает питательную почву для развития многих

отрицательных склонностей: тяги к потребительству, к легкой жизни, к постоянным увеселениям и, в конечном счете, к тяжелым формам пьянства. Так создается атмосфера, ведущая к падению нравственности, атмосфера, глубоко враждебная детству и истинной человечности».

Он долго боролся с самим собой: дано ли ему право учить людей, спорить со своими героями, в чем-то поддерживать их, в чем-то осуждать? Потому так долго, как признается сейчас, писал для себя, чтобы облегчить душу, которая упорно и настойчиво просила слова. Он, как парашютист перед первым прыжком в голубое небо, ведущее к земле, к людям, основательно взвешивал свои силы и свои возможности. К сожалению, и сегодня в литературе есть проходные фигуры и случайные люди. Он не хотел оказаться ни проходным, ни тем более случайным. Борис Рябов вышел к читателю уверенным шагом и с первого печатного слова утвердился как большой литератор, которому есть чем поделиться с людьми.

Вот как пишет об этом Шамиль Галимов: «Б.Рябов правдиво показывает тяжкие внутрисемейные распри, различные случаи развала семей, порождающие сиротство. Не останавливается он и перед изображением трагических ситуаций. Сюжетная основа «Ранних заморозков» - будни детского дома. Чувствуется, что автор хорошо знает жизнь детей, заботы учительства, родительскую среду. Он сам много лет проработал учителем...». Известный московский писатель и критик Семен Шуртаков приглашает молодых прозаиков на страницах «Литературной газеты» (25 февраля 1987 года) на учебу в свою творческую

мастерскую, в которой на примере нескольких начинающих авторов, в их числе и творчестве коряжемца Бориса Рябова, показывает как надо и как не надо писать. Статья называется «Сколько лет Красной Шапочке?»

Не могу не привести из нее несколько абзацев. «Еще одно начало - на сей раз начало повести архангельского прозаика Бориса Рябова с не-притязательным названием «Деревенька». «Федор проснулся, когда солнце соскользнуло с опечка и косой дорожкой легло на половики... Он оперся рукой о косяк, посмотрел в окно на деревенскую улицу, хотя знал, что никого в этот час не увидит.

Едва заметная в разнотравье тропинка, минуя дом с заколоченными окнами, сторонясь покосившихся изгородей, тянулась к крыльцу дома, в котором жила Настасья... Когда Федор и Настасья остались в Подболотье одни, так уж повелось, что утро начиналось у них со взгляда на дым: вьется над крышей, - значит, жив сосед, справляет обычные дела.

Сегодня дыма не было».

«Как видим, общий тон повествования здесь, - продолжает Семен Шуртаков, - более спокойный и обстоятельный и словесного материала на «запевку» ушло значительно больше. Но уж зато как «широкозахватно» и серьезно начато! Никакой дешевой «завлекательности», никаких нарочитых «непонятностей», долженствующих (по мнению некоторых авторов) возбудить любопытство читателя. Каждая строка, каждое слово несут определенную информацию, и все вместе звучат как бы прелюдией к каким-то драматическим - судя по последней фразе - событиям».

Так был представлен наш писатель-земляк на всесоюзной арене. Это признание не вскружило голову, Борис Александрович не позволил себе «купаться» в лучах славы всеобщего признания. Он был и остается трудоголиком в высоком звучании этого слова. Он хорошо понимал, что в литературе, как и в физике, ничто не берется ниоткуда и не уходит в никуда. Он знал, что первая высота самая опасная: один неосмотрительный шаг, одна небольшая по отношению к себе вольность, и можешь сорваться в пропасть обыкновенного житейского бытия. Он и сам опасался этого, потому так неохотно соглашался на встречи, участие в конференциях и дискуссиях, где ему предлагали быть Богом и судьей. Он держался в тени, чтобы лучи славы не «сожгли» его писательское перо. И оказался прав. Опыт и знание, глубокое изучение психологии и умение идти от правды к правде обеспечили Борису Александровичу Рябову его плодотворное литературное долголетие.

24 сентября 2004 года он отметил свое 65 - ление. Пройден большой творческий путь, который не был усыпан розами. Но это его путь, его жизнь. Он выбрал свое дело сам и другого ему не дано. Литературе надо отдаваться сполна или уходить из нее навсегда. Она не любит «двоеженства»! И у него был такой период: трудный период, пришлось брать себя, как признается Борис Александрович сегодня, на излом. Вопрос встал так: школа или литература? Он выбрал второе. А из школы он не ушел, как он мог предать самое дорогое на земле - детей?! Они с ним идут по жизни в его повестях и рассказах. А дома рядом с ним всегда любимая

всеми внучка Катя: то радио ему включит, то за газетой в соседнюю комнату сбегает.

- И для нее дел по дому хватает, - смеется Тамара Васильевна, которая стала бабушкой совсем недавно. Катеньке - два года и восемь месяцев. Месяц назад выделили ей место в детсаде. Теперь она приносит Борису Александровичу «мирские» вести: кто и как ведет себя в их группе, рассказывает, что там весело, так как малышей много и она, Катя Рябова, среди них не самая маленькая. Вот так вот!

А потом я листал семейный альбом Рябовых -старших, и Катерина давала пояснения по каждой фотографии: это папа маленький, это тетя Аня, это дедушка Боря в армии, он на ракете летал, это бабушка в школе. Мне было интересно слушать это маленькое чудо, потому что детство всегда живет в нас. Интересно еще и потому, что Катя общительна. Она знает, о чем говорит. Прокатившись на четырехколесном коне, она присела ко мне на диван, задумалась. Минута молчания прошла, и она протянула второй альбом. Их в семье Бориса Александровича много. Все не пересмотреть, но кое-что увидеть из этой фотохроники дел и событий, наполненной обыкновенными рабочими буднями и семейными праздниками династии Рябовых, мне все-таки удалось. К сожалению, в них я не нашел снимка из марта 1988 года, когда Бориса Александровича приняли в члены Союза писателей СССР. А вот его членский билет за № 05464 раскрыл бережно, с чувством особого волнения. Ведь это уже реликвия! Борис Александрович, уловив мой взгляд, особо подчеркнул:

- Документ не российский, а союзный.

Союзный. Это не поза, не игра слов, не демократия «по-русски», это позиция!

Ее и прописал писатель в своей повести «Ранние заморозки»: «На войне люди лицом к пулям шли, хотя знали, что ждет. И не считали перед атакой, сколько сирот останется. А теперь многие оглядываться научились. На должность - как бы не понизили. На зарплату - не получить бы меньше. В три погубили согнутся, чтоб стул мягче подставить. Мало ли таких развелось?»

Первая повесть Бориса Рябова «Деревенька» была опубликована в первом номере журнала «Север» за 1982 год. Повесть, которая стала для него стартовой площадкой в большую литературу. Пришло признание и пришла ответственность: писать лучше, писать не на потребу читателя, а для его воспитания. И тут педагогика стала его хорошим союзником. Он пишет внутри себя, никогда ни с кем не советуется. Пишет, безжалостно рвет написанное, пишет, правит и снова пишет. Он как бы замкнулся в ,самом себе. Но это ошибочное мнение. Он пишет своих героев по памяти, которая цепко, как вспаханное поле, принявшее семена, дает отличные всходы. Ведет писателя к его счастливой литературной жатве. Но литературная жатва, как и сельскохозяйственная, завершается тогда, когда урожай засыпан в закрома, то есть нашел свое воплощение в публикациях и книгах. К сожалению, ждут своего часа в писательском столе десятки интересных рассказов, повести «Облетевшие листья», «На обочине», «Оборванная повесть» и другие.

В деревне Наволок, как и прежде, стоит его отцовский дом, из окна которого виден памятник землякам, не вернувшимся с войны. Борис Александрович участвовал в его открытии, а память вела его в далекое прошлое. Александр Андре-

евич, отец его, вернулся с фронта с тяжелым ранением, пожил два года, и свезли его друзья-товарищи в Сосновскую на окрестное кладбище. Весь семейный груз сполна лег на плечи матери Анны Федосеевны. Не случайно свою первую повесть «Деревенька» Борис Александрович посвятил ей. Неправильно я сказал: сполна легли. Они, эти заботы, лежали на ее плечах и все военные годы. Думалось ей, вот вернется Саша (так любовно, по-крестьянски просто, она называла мужа), будет легче детей растить. Это сейчас на одном ребенке ставят точку, а тогда деревня жила щедро: пять-шесть, это как закон. А в семье Рябовых Борис был девятым, замыкающим. Правда, выжили только трое. Но это уж время было такое - война, голод, неустроенность, во всем сталинская дисциплина: прежде думай о родине, а потом о себе. Теперь из девяти только двое осталось: старшая сестра Валентина, что в Двинском Березнике учительствовала, да он, Борис. Вот ведь как жизнь обернулась.

Его герои живут среди нас. Мы встречаемся с этими людьми ежедневно в поездах, в родной деревне, на улицах родного города, на работе. Встречаемся... и проходим мимо. А писатель Борис Александрович Рябов просит нас остановиться, протянуть человеку руку и произнести такое простое и такое теплое слово:

- Здравствуйте!

С первых публикаций слежу за все возрастающим творчеством Бориса Александровича, изучаю его, горжусь, что знаком с этим человеком. Впервые встретился с ним на одном из заседаний литературного объединения «Горизонт». Тогда он еще не был ни признанным, ни начинающим писателем. Рябов представился про-

сто: педагог средней школы №3, пришел послушать местных авторов и, если будет удобно, высказать свои замечания и предложения. После выхода повести «Деревенька» я откликнулся на нее рецензией, в которой писал: «Повесть коряжемца Б.А. Рябова не утонула в густой палитре деревенского быта. Она решает большую и важную социальную проблему: как и чем удержать человека на этой земле, чтобы ключи от отцовского дома не попали в чужие руки?»

Он принял эти ключи от матери своей - Анны Федосеевны. Потому так бережно, с болью в сердце, пишет Борис Александрович деревню. Потому дети его, Александр и Анна, несут продолжением по жизни имена его родителей. Потому он горит желанием успеть сделать больше и лучше. Этот прекрасный порыв подкреплен талантом писателя.

*Николай Шкаредный.
2004 г.*